

ГЛАВА 1

Все-таки правильно, что празднование юбилея проводится в будний день в городе, а не за городом, как стало модно в последние годы. Ноябрь перевалил на вторую половину, погода не ахти, насладиться природой и свежим воздухом все равно не получится, так какой смысл затевать шикарный праздник в таком месте, куда не каждому из приглашенных удобно добираться? Молодец юбиляр, все устроил в Москве, и гости, судя по их немалому количеству, явились все. Закатил Коля Букарин прием человек на 600, денег не пожалел, да и концертную программу обеспечил — известный певец Волько, любимец дам, славящийся исполнением лирического репертуара, в основном романсов, красавец. И поет приятно, даже на слух Игоря Панкрашина, который вообще-то к такому жанру всегда был равнодушен. Празднование проходит в двух залах, в одном — банкетные столы и сцена, в соседнем — аперитивные

столы, где гости в перерывах могут походить, пообщаться, выпить и закусить. Удачно и удобно, потому что сплошное сидение за столом ничего, кроме ненужного обжорства, не дает: общаться можно только с тем, кто сидит рядом, а ведь серьезные деловые люди на приемы ходят совсем не для того, чтобы желудок набить. Ходят общаться, контакты налаживать, о себе напоминать, вопросы решать. И в этом смысле виновник торжества организовал все правильно. После первой части банкета — перерыв, после второй части — еще один перерыв, минут на двадцать-тридцать, потом будет десертный стол, а пока, во втором перерыве, бизнесмен Игорь Николаевич Панкрашин, холеный и весьма привлекательный мужчина пятидесяти семи лет от роду, человек небедный, председатель попечительского совета им же самим созданного фонда, с удовольствием общается с юбиляром и нужными людьми.

А вот Женечка, его жена, явно скучает. Слоняется в одиночестве, неприкаянная и какая-то растерянная, впрочем, как всегда. Из всего обилия присутствующих она знакома, наверное, всего с двумя-тремя дамами — женами его приятелей, но поди найди их в этой толпе. А так ей и поговорить не с кем. Совсем не светская его Женечка, уют-

ная, домашняя, простая и бесхитростная, и тяжело ей на таких приемах, но как же на прием без жены явиться? Это совершенно невозможно! Это неприлично и как минимум вредит деловой репутации Панкрашина, для которого семья, жена и четверо детей — неперенный атрибут. Но Игорь Николаевич готов глотку порвать каждому, кто только посмеет заикнуться, что жена нужна ему лишь для антуража. Нет, нет и нет! Он любит свою Женечку, он прожил с ней тридцать пять лет. И конечно же, он искренне жалеет ее, потерянную и одинокую в этой шумной нарядной толпе, но никуда не денешься: если в приглашении сказано «с супругой», то будь любезен, предъяви всему свету свою благоверную.

— А ты молодец, — послышался сзади негромкий, но вполне отчетливо ехидный голос.

Жора Анищенко, заместитель Панкрашина по работе в попечительском совете фонда, подкрался, как всегда, незаметно. И что за манера! Впрочем, Игорь Николаевич своего зама любил, работником тот был отменным и другом преданным, уже много лет они знакомы и близки, а то, что Жорик порой позволяет себе нелюбезные замечания и острые высказывания, так на то он

и друг. Кто кроме настоящего друга скажет правду?

— Я смотрю, ты к моим словам прислушался, хоть украшение какое-то Женьке на шею повесил, — продолжал между тем Георгий Владиленович. — Платье-то новое купить не догадался? Сколько лет она в этом платье на мероприятия ходит? Три? Или пять?

Панкрашин досадливо поморщился и вымученно улыбнулся. После последнего мероприятия, где он был с Женей, Георгий строго выговорил ему, сказав, что их контраст выглядит неприлично. Контраст? Какой еще контраст? Сам-то Игорь ничего такого не заметил, потому что видит и себя в зеркале, и Женю каждый день, и ему казалось, что они все такие же, какими были много лет назад. Да, Игорь Николаевич очень следил за собой, регулярно занимался спортом, покупал очень хорошую одежду, стригся в дорогом салоне, но это ведь было необходимо: человек, занимающийся бизнесом и зарабатывающий деньги, должен выглядеть презентабельно, иначе доверия партнеров не обрешь, таков непреложный закон делового мира. А Женя всю жизнь, пока в прошлом году не вышла на пенсию, работала на секретарской должности, то личным

секретарем, то делопроизводителем, и все ее внимание было сосредоточено на семье: Игорь, муж любимый, детки, потом и внуки, дом. «Выглядеть» ей совсем не хотелось, неинтересно было, Женечка Панкрашина хорошо помнила те времена, когда жили они с Игорьком на две зарплаты, растили первых двоих детей и считали копейки. И уж тогда вопрос о том, купить ли новую кофточку Жене или спортивный костюм сыну, вообще ставиться не мог. Конечно же, костюм сыну, пусть ходит на тренировки в секцию, пусть развивается. И как-то так оно и осталось даже тогда, когда Игорь Николаевич начал зарабатывать приличные деньги. Он взял на себя финансовое обеспечение семьи со всеми вытекающими отсюда обязанностями по поддержанию имиджа делового человека, а Евгения Васильевна так и осталась секретарем-домохозяйкой, обожаемой и носимой на руках мамой и бабушкой, центром и стержнем большой семьи, неиссякаемым источником любви, внимания и заботы. Даже тогда, когда муж стал приносить в дом солидные деньги, она не бросила работу, хотя никакой такой острой надобности в ее мизерной зарплате не было: Женя хотела общения, поддержания отношений с людьми, с которыми сдружилась за многие годы, и на

пенсию вышла только в прошлом году, когда 55 исполнилось.

Однако, если прислушаться к Жоркиным словам, со временем количество перешло в качество, и меры, предпринимаемые Панкрашиным для поддержания достойного внешнего вида, увели его слишком далеко от жены: сам он ухоженный, красивый, дорого и модно одетый, а жена — как уборщица, ей-богу. Он расстроился. И перед очередным мероприятием положил перед женой толстую пачку купюр и строго наказал купить что-нибудь приличное из одежды и украшений. Покупать новое платье она отказалась, зачем, говорит, в длинном черном платье я всегда выгляжу прилично, а деньги на ветер выбрасывать не нужно, ты лучше детям что-нибудь купи или так дай, в конвертике. Никак она не привыкнет к достатку, хотя Панкрашин в бизнесе уже полтора десятка лет и является человеком состоятельным, но десятилетия, прожитые на зарплату секретарши и рядового служащего, на помойку не выкинешь. Он дал Жене полмиллиона наличными, чтобы она купила себе какой-нибудь наряд и украшения, которых у нее отродясь не было, так она, глупышка, и от платья отказалась, и на ювелирку тратиться не пожелала, нашла какой-то бутик, где

можно брать нарядные украшения напрокат. Зачем, говорит, их покупать, если я их не ношу каждый день, только деньги попусту тратить.

Но Женя действительно выглядит гадким утенком на этом сборище. Впрочем, наплевать, его жена — это не украшение бизнесмена Панкрашина, это его тыл, его опора и, что греха таить, надежная поддержка его репутации семьянина и чадолюбца, благодаря чему ему удается привлекать инвестиции в свой фонд. Четверых детей они с Женей вырастили, двоих родных и двоих приемных, образцовая семья, трое старших уже совсем взрослые, самостоятельные, живут отдельно, порадовали родителей внуками, а младшая, Ниночка, живет с ними, школу заканчивает. Такой женой и такой семьей можно гордиться, и совсем не обязательно жену украшать и наряжать. То есть он бы, конечно, и украшал, и наряжал, если бы Женя сама захотела. Но в том-то все и дело, что она не хочет. Она простая и сердечная баба, мать, хозяйка, она обожает своих подруг, с которыми дружит лет по двадцать, а то и по тридцать, но подруги эти — такие же секретарши и делопроизводители, как и сама Женя, работали вместе в одной огромной организации и с тех пор никак расстаться не

могут. У них лишней копейки нет, а Женя — она мудрая, она знает, что любую дружбу может разрушить зависть, поэтому одевается просто и дешево, украшений не носит — как смолоду не носила, так и приучаться не захотела, чтобы подружек не нервировать и злобу в них не будить. «Хочу, — говорит, — сохранить свой круг общения, потому что если этих подруг растеряю, то других уже не приобрету, и что мне останется? Дети выросли, из гнезда выпорхнули, вот Ниночку во взрослую жизнь отправлю — и совсем одна целыми днями буду сидеть, как сычиха. Кому я нужна со своими десятью классами и трудовой биографией? Как была необразованной дурехой, так и осталась, спасибо, хоть ты меня не бросаешь, а то мог бы завести молодую, которая в Англии где-нибудь образование получала и в бизнесе разбирается». Игорь при этих словах всегда смеется и обнимает жену: ну куда он от нее денется? Где еще он найдет такую Женечку? А то, что позволяет себе разные вольности то и дело, так на прочность брачных уз это не влияет. Женечка — это святое. И потом, даже если случится невероятное, он влюбится и уйдет от Женечки, то дети его не поймут и не простят, а отношениями с детьми Игорь Николаевич Панкрашин рисковать не станет ни

за что! Детей своих он обожает, что родных, что приемных. И даже с недавнего времени начал уговаривать Женю взять из детского дома еще одного ребенка. А что? Нина вот-вот школу закончит, в родительской опеке нуждаться не будет, а дом без детских голосов пуст и холоден. Самому Панкрашину всего 57, Женечке на год меньше, здоровьем их обоих природа не обидела, да и наследственность у них отличная, так что сил хватит еще одному малышу, обделенному родительской любовью, дать нормальное детство.

Он на несколько минут отвлекся на разговор со знакомым банкиром, а когда снова поискал глазами Евгению, та стояла посреди огромного зала и о чем-то оживленно разговаривала с известным певцом Виктором Волько, который уже выступал во время первой и второй части банкета, а после перерыва, как было объявлено, будет петь снова. Панкрашин с облегчением подумал, что Женя, слава богу, нашла себе собеседника и не скучает.

Какой милый этот Виктор Волько! А еще говорят, что у известных людей звездная болезнь! Неправда это, никакой звездной болезни у певца Волько нет, и улыбка у него ■

такая обаятельная, и голос приятный не только со сцены, но и в жизни.

Евгения Панкрашина взглянула туда, где стоял муж в компании с юбиляром и еще какими-то мужчинами. Не станет она подходить, не место ей среди этих людей, она и потом, после окончания мероприятия, успеет рассказать Игорьку, какой симпатяга этот Волько. И ведь они не знакомы, просто она проходила мимо певца, задумчиво стоявшего с бокалом вина в руках, и улыбнулась ему, ну не могла не улыбнуться, потому что романсы, которые он исполнял всего полчаса назад, вызвали у нее слезы, и улыбка казалась ей всего лишь крохотной толикой благодарности и восхищения талантом. Чем еще и как могла она выразить свои чувства известному, но незнакомому человеку? Не заговаривать же с ним. Это как-то глупо, он ее не знает, подумает еще, что она — из тех фанаток, которые пристают и потом проходу не дают. Но певец Волько ответил на ее улыбку таким теплым взглядом, что Евгения невольно замедлила шаг, проходя мимо него, а Виктор вдруг заговорил с ней, она ответила, и они поболтали несколько минут. Подумать только! Такая звезда, сам

■ Виктор Волько — и она, никому не извест-

ная домохозяйка, да к тому же одетая далеко не так шикарно и модно, как остальные присутствующие здесь дамы. Настроение сразу поднялось, и скучный прием уже не казался таким беспросветно унылым.

— Женечка! — слышалось откуда-то из-за спины.

Евгения обернулась и, к своему облегчению, увидела группу нарядно одетых женщин, одна из которых — Аллочка — была супругой Жоры Анищенко, заместителя Игоря Панкрашина, а две другие — женами его постоянных партнеров по теннису. Евгения подошла к ним, радуясь, что можно хоть с кем-нибудь поговорить, а то на этих приемах она всегда умирает с тоски, делать ей здесь совершенно нечего, и публика вся не ее круга, с ними и поговорить не о чем, да и стесняется она, знает мало, книг почти совсем не читала, когда ей читать-то, с работой, семьей и четырьмя детьми, а теперь и тремя внуками? Ее подружки такие же простые, как она сама, с ними можно и про хозяйство поболтать, и про деток, и про мужей посплетничать, и известных актеров обсудить, а с этими о чем разговаривать? Но на таких мероприятиях с ума вообще сойдешь, если весь вечер молчать как бука. А так хоть